

Н.Н. Полуэктова, Е.В. Романова

Институт демократии: единство и различие трактовок либеральной и евразийской мысли рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: демократия, евразийство, либерализм, идеократия, политическая партия, представительство, избирательные права, выборы, правовое государство.

Цели и требования демократизации власти и социальных порядков являются в настоящее время едва ли ни универсальными лозунгами политических движений любого типа. Но при этом каждая из провозглашающих данные цели партий понимает демократию по-своему. На разнородность политических требований накладывается и семантическая многозначность термина «демократия», позволяющая использовать его для обозначения не только формы государственного устройства или типа политической системы, но и идеала политического устройства общества, совокупности определенных процедур и технологий организации власти.

Двумя основными направлениями российской политической мысли начала XX в. были евразийство и либерализм. Объектом данного исследования является концепция демократии в теориях русского либерализма рубежа XIX–XX вв. и евразийцев начала XX в. Наиболее разработана эта проблема у представителей русской либеральной мысли – Б.Н. Чичерина, Н.М. Коркунова, Ю.С. Гамбарова, С.А. Котляревского, П.И. Новгородцева. В евразийстве проблемой демократического устройства занимались Н.Н. Алексеев, Л.П. Карсавин, Н.С. Трубецкой и др.

В энциклопедическом словаре «Политология» мы находим следующее определение: «демократия – одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти, развивающийся и прогрессирующий в истории политический режим, обычно связанный с республиканской формой государства...» [1, с. 92].

Демократия в современном понимании – форма государственного устройства, основанная на признании таких принципов, как верховенство законов, народовластие и политический плюрализм, свобода и равенство граждан, неотчуждаемость прав человека, выборности основных государственных органов. Различают демократию непосредственную (основные решения принимаются непосредственно всеми гражданами на референдумах, сходах и т.п.) и представительную (решения принимаются выборными учреждениями – парламентами и др.). Институты демократии наиболее полное развитие получают в правовом государстве.

Сразу же следует отметить, что демократия не была идеалом ни для евразийской, ни для либеральной мысли. По мнению евразийцев, «современная демократия в учреждениях своих, а не только в идеях, насквозь пропитана духом атомизма и индивидуализма. Демократические учреждения всех, даже самых передовых демократий, не знают того действительного, а не абстрактного только народа, который состоит из предпринимателей и рабочих, фабрикантов и торговцев, рантье и спекулянтов, потребителей и производителей; они знают отвлеченного человека-гражданина, голосующего индивидуума, и для них народ есть совокупность таких отвлеченных граждан» [2, с. 24]. Минусом современной представительной демократии евразийцы считали оторванность народа от власти.

Либералы в лице ведущего представителя Б.Н. Чичерина имели в виду прежде всего демократию как форму правления. Он различал три формы правления в зависимости от того, правит ли один, немногие или весь народ и устанавливал три основные формы – монархию, аристократию и демократию.

Демократия базируется на свободе и равенстве, и это основное ее достоинство, так считал Б.Н. Чичерин, он исследовал две разновидности демократии – непосредственную и представительную. Первую можно встретить только в общинах и маленьких государствах. Ученый не был сторонником демократии, но подошел к проблеме объективно, оценил положительные и отрицательные стороны данной формы правления.

Евразийцы же считали, что демократия – это форма правления, где верховная власть принадлежит народу. Однако, по мнению, например, Л.П. Карсавина, в современном демократическом государстве народ сводится к голосующему время от времени и дезорганизованному населению, права которого сведены буквально на нет тем, что он фактически только переизбирает предлагаемых и мало известных ему депутатов. Борющиеся же друг с другом на выборах депутаты могут за краткий период избирательной кампании собирать голоса в свою пользу только благодаря рекламе и заискиванию перед избирателями, т.е. популистскими программами, «да еще тем, что добьются включения себя в кандидатский список какой-нибудь влиятельной партии путем партийной, а не общегосударственной работы» [3, с. 219].

Русские либералы, исследуя демократию, пришли к выводу, что, как и любая другая форма правления,

она имеет преимущества. Демократия обеспечивает свободу и права, представляет интересы всех граждан; правительство не отрывается от народа. Однако при всех плюсах демократия имеет недостатки и их гораздо больше. А именно, снижается значение образования, а партии, участвующие в борьбе за власть, не брезгают никакими средствами, и в этом взгляды либералов во многом совпадают с идеями евразийцев. Демократический произвол, по мнению Б.Н. Чичерина, хуже монархического. Царь боится возбудить недовольство, а демократия, базирующаяся на большинстве, не боится ничего. Неустойчивость общественных отношений – это также недостаток демократии.

Тем не менее общество не должно отказываться от демократии как формы правления, демократия должна развиваться там, где есть подходящие условия. Демократическая форма правления имела достоинства и была необходимым элементом развития. Но, установив всеобщее политическое равноправие, она создала угрозу поглощения качества количеством.

Эти недостатки демократии, которые отмечали русские либералы, видели и евразийцы. Однако, по их мнению, кризис современной европейской государственности лежит не столько в господствующих формах демократии и их технической непригодности, сколько в органической болезни самой европейской культуры. Государственности, по мнению Л.П. Карсавина, всегда угрожает разрыв между народом и его правящим слоем, нарушение органического их взаимодействия. Эта опасность особенно велика, если сами формы государственности заимствуются извне [3, с. 221].

По мнению евразийцев, современной западной демократии свойствен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан, который, будучи неорганизованным, сам по себе не способен провести ни одного голосования. Интересную позицию занимали евразийцы в отношении института представительства. Согласно высказываниям А.А. Алексева, государство не может считать выразителями народной воли всех взрослых вообще, взрослых как таковых, отвлеченно взрослого гражданина без отношения к тому, кто он, где живет и что делает. Государство должно определить тот объективный и реальный принцип, на основе которого может быть построено истинное национальное «представительство», то есть найдены реальные носители организационных государственных функций, действительные выразители национальной воли [4, с. 168].

Схожую позицию в отношении института представительства занимали и русские либералы, в работах которых представительство трактуется как участие в деятельности государственных учреждений членов общества. «Участие это устанавливается для обеспечения живой непосредственной связи между деятельно-

стью учреждений и текущими запросами общественной жизни» [5, с. 390] Народное представительство, утверждал Б.Н. Чичерин, оказывает значительную помощь правительству. «Власть, стоящая на вершине, часто не знает, что творится внизу» [6, с. 56].

Евразийцы не считали нужным запрещать партии, но они решительно были настроены на борьбу на выборах с «тем навязыванием партийных программ, с той безобразной партийной рекламой, с теми бессовестными приемами посулов и обещаний, к которым прибегают современные политические партии» [4, с. 168]. А.А. Алексеев обращает внимание на особенности качества процесса избрания. «Приемы избрания эти пригодны, когда избиратель представляет аморфную массу, идущую к урнам и голосующую за те списки незнакомых ей лиц, которых выдвинули партийные комитеты. А когда выборы происходят на уровне местного самоуправления, то выбирают по деловому признаку, по местной деловой программе, а не по идеологическим обещаниям. Тем более, деловой принцип господствует в последующих стадиях, когда происходит отбор делегатами наиболее способных и опытных лиц» [4, с. 168]. На этом уровне выборы предоставляют собой свободу мнений и борьбу различных течений среди избирателей. При выборах в органы местного самоуправления евразийцы допускали возможность расхождений во мнениях и образование деловых группировок. Данный тип представительства позволяет избирателю самому уяснить свои интересы и отобрать людей, которые окажутся истинно способными выразить волю населения как некоторого органического целого [4, с. 168].

Роль политических партий в обществе виделась Б.Н. Чичериным во всестороннем обсуждении общественных вопросов, в наличии оппозиции как силы, способной сдерживать бюрократический произвол, а также в выдвижении талантов. Определяющим условием формирования партий ученый считал наличие политической свободы и развитой политической культуры. «И при таких условиях они возникают не вдруг, а слагаются медленно, в политической борьбе. Они должны пройти через многие испытания прежде, нежели получат надлежащую крепость и силу» [6, с. 681]. Благодаря партийной организации и партийной дисциплине масса идей, мыслей превращается в крепкую и прочную политическую силу. Организованные партии способны направлять разрозненные стремления к общей цели [7, с. 680]. Для привлечения народных масс, без поддержки которых проблематично прийти к власти, партиям следует иметь свою печать, утверждал профессор-правовед Ю.С. Гамбаров [8, с. 9–12].

Юрист, государственный деятель Н.М. Коркунов, подвергнув тщательному анализу демократическое устройство, пришел к умозаключению, что под определение демократии как правления всех «не подойдет

в сущности ни одно действительно существующее государство». Ибо «нигде к участию в осуществлении функций власти не допускается все без исключения население»¹⁹, с. 256).

Действительно, в чем-то Н.М. Коркунову идейно близки евразийцы. Так, Л.П. Карсавин считал, что вся государственная власть сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, «на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертят чуть ли не всем банкиры» [3, с. 221]. Л.П. Карсавин категорично заявлял, что парламент – это учреждение неработоспособное, в котором государственная власть сконцентрирована в лице небольшой социальной группы, по существу являющейся олигархической, лишь формально демократической, к тому же совершенно неорганизованной. Единственным средством некоторой ее организации является образование ряда политических партий. Именно многопартийность способствует устранению сильной «своевольной», деспотической власти. В многопартийности для демократии заключается единственная гарантия против деспотии.

Схожие идеи можно обнаружить и в либеральном лагере. Партия – это общественная группа, представляющая не весь народ, а только его часть. Каждая партия, по мнению Ю.С. Гамбарова, выражает интересы определенной социальной группы, господство же одной партии ученый сравнивал с худшей из тираний [8, с. 3–5].

Но многопартийность имеет свои недостатки. В многопартийном государстве не может быть единого идеологического пути, ибо путь его – путь компромисса между многими отрицающими друг друга партийными программами. Этот путь очень хорошо иллюстрируется коалиционными министерствами. Партийные программы, сыграв свою роль, «цинично прячутся в карман». Таким образом, заключает Л.П. Карсавин, демократическое государство обречено на вечное колебание между опасностью сильной, но деспотической власти и опасностью совсем не деспотического бессилия. Оно не может преодолеть своего бессилия иначе, как путем тирании, и не может спастись от тирании иначе, как слабостью [3, с. 221].

Евразийцы, в отличие от русских либералов, были сторонниками упразднения свободного режима партий, хотя они и оценивали важную роль политического плюрализма [4, с. 168]. В этом плане Н.С. Трубецкой подчеркивал, что отвержение многопартийности вовсе не означает простого насильственного подавления всех инакомыслящих. Отвержение многопартийности предполагает создание таких политических условий и такой техники выборов и работы выборных учреждений, при которых существование нескольких, взаимно друг с другом борющихся партийных организаций стало бы просто ненужным, нецелесообразным. Про-

блема эта – чисто техническая и вполне разрешимая. Одним из путей к ее разрешению является профессиональное представительство, упор выборной техники не на отдельного избирателя, а на организованные по деловому принципу группы населения – путь, используемый как в Италии, так и в СССР. Другой путь состоит в выделении некоторых сфер законодательства в ведение специальных выборных учреждений, состоящих из делегатов только непосредственно заинтересованных групп населения» [10, с. 490]. По мнению ведущих представителей евразийства, политика запрещения есть наименее целесообразная и наименее мудрая из всех политик. «Только наихудший политический режим стремится обстричь под одну скобку идейные разногласия людей. Свобода в обнаружении мнений во всех областях жизни, стало быть и в политике, является неперенным условием бытия всякого нормального государства. То же самое нужно сказать и о самоорганизации народа, о так называемой свободе союзов» [10, с. 490].

Правовое государство должно и может гарантировать свободу народа и каждого гражданина от деспотизма одного лица, партии, класса или даже «самодержавия народа». Так считали русские либералы. Деспотичным может быть государство, построенное на принципе народовластия, а деспотизм народа бывает ужаснее деспотизма отдельного лица. В правовом государстве власть организуется так, чтобы, с одной стороны, она не подавляла личность, а с другой стороны, личность (народ) – были бы не только ее объектом, но и субъектом. Его принцип предполагает суверенитет, т.е. верховенство народа, он не требует во имя общего дела принесения в жертву интересов отдельной личности. Но поэтому демократия невозможна без соответствующего воспитания народа, без поднятия его нравственного уровня.

Стабильность и в то же время защищенность от деспотии волновала и либералов. Важнейший параметр демократического государства, предупреждал С.А. Котляревский, «заключается в том, чтобы власть большинства не применялась со всей тиранической полнотой, чтобы у нее были пределы» [11, с. 224].

«Для демократии недостаточно одно механическое повиновение граждан государственному закону; от них требуется большее, чем соблюдение закона, большее, чем согласование с нормами права, требуется такая степень солидарности и подчинения своих интересов общему благу, которая не может охватываться никакой правовой нормой» [11, с. 231]. Конечно, чтобы демократия приобрела такой характер, необходимы условия, главным из которых является нравственное и духовное развитие личности, высокий духовный потенциал всего общества. Так идея власти (государства) увязывалась с идеей свободной личности, которая в таком новом контексте становилась политическим требованием.

Отсюда политическая программа либерализма: расширение избирательных прав, защита прав меньшинства, которое не может быть подавлено большинством, сглаживание классовых противоречий путем широкого обращения к компромиссам. Поскольку общая воля – это всегда не готовый факт, а скорее задание, то ни одна группа общества не может узурпировать ее. Избирательные права, привлечение к законодательству и управлению широких масс, непосредственно заинтересованных в способе решения государством новых задач, есть гарантия общего блага, что и является свидетельством демократической власти. Отсюда вытекало признание множественности партий, выражающих интересы различных групп и вместе с тем необходимость правового ограничения их деятельности со стороны государства с целью недопущения диктатуры одной из них.

Таким образом, в системе понятий нового (социального) либерализма н. XX в. демократия понималась как выражение релятивизма, как запрет любому считать себя выразителем абсолютной истины, как признание за каждым права на искание последней. Это толкование имело вместе с плюсами свои минусы. Демократия, готовая допустить всякую политическую возможность, всякую хозяйственную систему (лишь бы это не нарушало начала свободы!) всегда есть «распутье», «система открытых дверей, расходящихся в неведомые стороны дорог» [12, с. 551]. А это при длительности подобного состояния может создавать социальную усталость, ослаблять бдительность народа, провоцировать всплески анархических или авторитарных настроений и ожиданий.

Иными словами, «система свободы и свободной игры жизненных сил, система открытых дверей и неопределенных возможностей» имеет свои издержки. В определенных условиях она может провоцировать анархические давления на общество со стороны некоторых групп, или, скажем, усиливает влияние авторитарных настроений и ожиданий и даже их реализацию – ведь в условиях демократии ни один путь «не заказан», ни одно направление не запрещено. Подобные издержки хорошо понимал сам П.И. Новгородцев, обосновавший модель «демократии на распутье». Но в поисках выхода из тупика он предлагал решение, весьма далекое от средств реальной политики. Демократия, как и всякая форма государства, писал П.И. Новгородцев, сильна только тогда, когда над ней стоит справедливость, когда народ не забыл, что в мире есть Высшая Воля, перед которой народная воля должна преклониться.

Действительно, западные демократии, по мнению евразийцев, строятся на дезорганизованном, анархическом суверенитете, где «народный суверенитет» равен механическому агрегату мнений отдельных достигших политической зрелости граждан. Интересно понимание народа в учении ведущего представителя

евразийства А.А. Алексеева. По его мнению, «народом» или «нацией» является не какой-то случайный отбор граждан, удовлетворяющих условиям всеобщего избирательного права, но совокупность исторических поколений, прошедших, настоящих и будущих, образующих оформленное государством единство культуры. Народ в таком понимании неспособен к какому-либо политическому действию, он должен действовать через каких-то заместителей, что воля его должна получить выражение через определенного реального носителя. Все общие выборы не дадут эффективного управления [4, с. 169].

Защищая демократию, новые либералы пытались внести некоторые оговорки. В частности, обосновывалось требование расширения избирательного права, в чем усматривалось правовое ограничение государства в пользу народа. Утверждалось, что демократия есть ограничение государства субъективными правами его граждан, и притом не только отрицательными правами невмешательства в сферу личной свободы, но и положительными правами действия в интересах роста личной активности. Иными словами, она есть привлечение к общему делу множественной активности, что, в конечном счете (хотя и не всегда) означает усиление совокупного государственного действия, а это определяет во многих случаях преодоление распутья.

Правовое ограничение государства есть всегда не умаление, а повышение его активности. Вот почему необходимо расширение избирательных прав граждан, привлечение к законодательству широких слоев народа. Последнее толковалось как средство придания правового характера борьбе общественно-политических групп и как принципиальное признание того, что никто сам по себе не является выразителем общей воли народа – последняя есть результат совместных исканий.

Демократия не всегда способна организовать сильную власть, и ее тоже надо защищать. Поэтому в правовом государстве власть должна быть организована так, чтобы отдельная личность и народ могли быть как объектом, так и субъектом власти.

С точки зрения евразийцев, идеальный тип демократии «требует, чтобы власть, с одной стороны, была чрезвычайно сильной, но с другой – чрезвычайно близко стояла к населению; в демократическом государстве широко должно применяться выборное начало и участие общественных организаций в государственном строительстве, но в то же время должно происходить усиленное огосударствление общественных организаций. Сама техника выборов и функционирования выборных учреждений при идеальном демократическом строе не менее (может быть, даже более) развита, чем при строе демократическом, но основана на совершенно иных принципах – ибо демократический строй предполагает многопартийность, а идеократический строй ее исключает [10, с. 490].

Итак, демократическое устройство не рассматривалось евразийской и либеральной мыслью в качестве идеала. По-разному оценивали представители этих двух основных идеологических направлений начала XX в. последствия ведения демократического устройства, но, несмотря на эти различия, при пристальном изучении можно обнаружить и некоторые сходства. Как либералы, так и евразийцы отмечали большую роль в демократическом государстве по-

литических партий. Одним из ключевых условий становления и развития представительных начал, по мнению русских либералов и евразийцев, является высокий нравственный уровень, воспитание народа. Демократия не может гарантировать безопасность от тирании, причем тирания большинства страшнее тирании одного лица – это подчеркивают как представители евразийской мысли, так и либеральной.

Библиографический список

1. Политология : энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. – М., 1993.
2. Алексеев, Н.Н. Обязанность и право / Н.Н. Алексеев // Евразийская хроника. – Париж, 1928. – Вып. 10.
3. Карсавин, Л.П. Основы политики / Л.П. Карсавин // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5.
4. Алексеев, Н.Н. Евразийцы и государство / Н.Н. Алексеев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. – М., 1993.
5. Коркунов, Н.М. Русское государственное право. Т. 1: Введение и общая часть / Н.М. Коркунов. – 5-е изд. – СПб., 1904.
6. Чичерин, Б.Н. Народное представительство / Б.Н. Чичерин. – М., 1899.
7. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. – М., 1997.
8. Гамбаров, Ю.С. Политические партии в их прошлом и настоящем / Ю.С. Гамбаров. – СПб., 1905.
9. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов. 8-е изд. – СПб., 1909.
10. Трубецкой, Н.С. О государственном строе и форме правления / Н.С. Трубецкой // Наследие Чингисхана. – М., 2000.
11. Котляревский, С.А. Предпосылки демократии / С.А. Котляревский // Опыт русского либерализма. – М., 1997.
12. Новгородцев, П.И. Демократия на распутье / П.И. Новгородцев // Об общественном идеале. – М., 1991.